

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию на соискание ученой степени

кандидата политических наук Болдина Владимира Алексеевича

на тему: «Эволюция панславистских политических концепций в начале

XX века (на примере журнала «Славянский век», 1900–1904)»,

по специальности 23.00.01 – «Теория и философия политики, история и

методология политической науки»

Актуальность диссертации В.А. Болдина несомненна. Ее предметная область представляет очевидный интерес для политической науки. Но не только, поскольку анализ разнообразных панславистских построений имеет резонансное значение для целого ряда иных гуманитарных и социальных дисциплин, включая историю, славяноведение и балканистику, историю философии, культурологию, религиоведение, филологию и лингвистику. Анализ разноликого феномена панславизма дает также богатый материал для исследования таких междисциплинарных и полидисциплинарных проблем, как теория и история идеологий, включая идеологии национализма, консерватизма, анархизма и либерализма.

Кроме того, тема панславизма является актуальной площадкой для разговора о феномене русофобии, диалоге культур, проблематике Востока и Запада. Вокруг панславизма существует немало вымыслов, мифов и разного рода злонамеренных интерпретаций, совершенно искажающих реальный исторический смысл в целом благородной, хотя и нереализовавшейся в истории всеславянской идеи. Например, Ханна Арендт, автор широко известной монографии «Истоки тоталитаризма» возлагает на панславизм историческую вину за появление в XX веке тоталитаризма в виде большевизма и национал-социализма. Закулисным дирижером славянскими пандвижениями в Европе, согласно Арендт, всегда выступала «рука Российской империи», которая создавала «удобную дымовую завесу из права народов на самоопределение в качестве

легко преодолемого переходного этапа для дальнейшей экспансии». Таким образом, русские панслависты оказываются авторами идеологии русского экспансионизма и, в терминологии Арндт, «континентального империализма», закладывавшего, будто бы, основы для будущего тоталитаризма XX века. Из сказанного понятно, насколько важна для политической науки неискаженная, основанная на первоисточниках, а не на русофобии картина развития панславизма как чрезвычайно разнообразного идейно-политического течения. В целом эта задача успешно выполнена в диссертации А.В. Болдина.

Ввиду разноликости панславистских построений возникает определенное искушение «не увидеть за деревьями леса», за многообразием панславистских построений не упустить то, что, что объединяет это «единство в многообразии», представляющее, по определению автора диссертации «целостный и многогранный идейно-теоретический комплекс», оказавший «непосредственное влияние и на европейский, и на мировой политический процесс». С утверждением о политической влиятельности панславистских идей, особенно в XIX – начале XX веков нельзя не согласиться.

Этот «многогранный идейно-теоретический комплекс панславизма» раскрывается в диссертации на богатом источниковом материале, включающем основную научную литературу исследуемого вопроса, в том числе некоторые исследования на иностранных языках, анализ идей Геркеля, Коллара, Шафарика и других европейских классиков панславизма, рассмотрение концепций австрославизма и югославизма в разных вариантах и, наконец, подробное исследование содержания и основной проблематики журнала «Славянский век», выходившего в Вене с 1900 по 1904 гг. К этому надо добавить включение в качестве приложения к диссертации полной описи содержания всех 92 выпусков данного журнала, имевшего подзаголовок «Всеславянский орган». Таким образом, можно заключить, что автор диссертации дает вполне достоверное и конкретно-историческое объяснение содержания того, что названо «многогранным идейно-теоретическим комплексом панславизма».

Вслед за первопроходцем данной темы А.Н. Пыпиным, автором классической книги «Панславизм в прошлом и настоящем» (1878) и вопреки ложной концепции русского «дирижизма панславизмом», В.А. Болдин разделяет твердое убеждение в том, что «Россия неповинна в панславизме», поскольку, как заключает автор диссертации, «панславизм никогда не лежал в основе внешнеполитического курса российского государства, а использовался лишь как сиюминутное политическое орудие» (С. 11 автореферата). В самом деле, впервые слово «панславизм» прозвучало не в России, а в Австрии и было употреблено в 1826 году в труде евангелического проповедника Я. Геркеля, создателя грамматики всеславянского языка. Эта работа, написанная по латыни, была, на самом деле, своего рода конкретизацией идеи «Die Deutsche Kultur-Nation» («идея культурной немецкой нации») и задумывалась как некий лингвистический эксперимент для австрийских славян в пределах монархии Габсбургов. Таким образом, панславизм возникает как «австрославизм» для обозначения сначала лингвистической, затем общекультурной интеграции славян, по определению словацкого лютеранского священника Яна Коллара, и потом, их политической интеграции, по определению словацкого поэта и литератора Людевита Штура, автора книги «Славянство и мир будущего». Главные ступени хронологии европейского панславистского движения и разные его оттенки, включая литературный, культурный, политический панславизм, а также русский имперский панславизм М.П. Погодина, Ф.И. Тютчева, Н.Я. Данилевского, В.И. Ламанского и другие его формы достаточно подробно раскрыты в исследовании В.А. Болдина.

Журнал «Славянский век» рассматривается в диссертации в качестве «последней вехи» в истории панславизма накануне Первой Мировой войны, причем автор замечает, что это издание «сумело объединить круг авторов, которые впоследствии не только не отказались от идеи славянской взаимности, но и продолжили ее развитие» (С. 119). Правда, каким образом продолжалось это развитие, не уточняется. В диссертации данная разновидность панславизма определяется как «культурно-экономическая». Этому, по логике диссертации,

последнему «российскому» варианту панславизма, возникшему позже его европейских панславистских предшественников, австрийских и балканских, посвящаются три из шести разделов диссертации. Предыдущие разделы диссертации раскрывают сущность и происхождение панславистских воззрений, а также такие его разновидности как австрославизм и югославизм.

Здесь надо высказать **первое замечание** диссертанту: история панславизма в изложении В.А. Болдина имеет начало, имеет сложную, противоречивую историю, в целом квалифицированно освещенную автором, но в то же время не имеет определенного окончания... Эта история к 1904 году как бы обрывается в диссертации «культурно-экономическим панславизмом» журнала «Славянский век», причем последний, как считает автор, снимает «неоправданную дихотомию» «панславизм-неославизм» (С. 19 автореферата, С. 55 диссертации и др.). В действительности, «культурно-экономический панславизм» журнала «Славянский век» является не чем иным, как разновидностью неославизма, его оттенком и продолжением предшествующего панславизма. Об этом достаточно убедительно говорится в диссертации, а выразители «дихотомии» «панславизм-неославизм» остаются неназванными. Кто и почему отделяет неославизм начала XX века от панславизма XIX века, остается непонятным. Намёк на то, что панславизм продолжил свое существование и после того, как закрылся журнал «Славянский век», так и остается намёком, в результате концовка диссертации получилась скомканной, создающей впечатление, что на «культурно-экономическом панславизме» история панславистского движения едва ли не завершилась вообще. Понятно, что диссертация не может «объять необъятное», однако компетентное историко- и теоретико-политическое исследование, каковым, является диссертация В.А. Болдина, должно было всё же обозначить исторические границы исследуемого идеологического явления.

На самом деле и после Первой Мировой войны, разделившей славян на воюющие стороны, панславизм не прекратил свое существование. Нет сомнения в том, что панславизм и накануне, и после Первой Мировой войны сыграл крупную роль в национальных движениях славянских народов монархии Габс-

бургов и оставил значительный след в политической истории Европы прежде всего тем, что активно повлиял на формирование независимых славянских государств. В качестве политического инструмента панславизм использовал такой выдающийся политический деятель и философ, как Томаш Гарриг Масарик, один из лидеров младочешского движения и первый президент Чехословакии. Нельзя не упомянуть знаменитую «Русскую акцию» Масарика, оказавшую огромную поддержку русскому послеоктябрьскому зарубежью. В указанном контексте необходимо отметить также имя короля Югославии Александра Карагеоргиевича, получившего наименование «покровителя русской эмиграции». Живым свидетельством этого покровительства является «Русский Дом», подаренный королем Александром городу Белграду и являющийся настоящим центром русской культуры в Сербии. Как известно, в ответ на обращение Александра за помощью к императору Николаю II Россия вступила в Первую Мировую войну, которая для Югославии закончилась провозглашением независимого Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев в 1918 году. Можно задаться также отнюдь не риторическим вопросом: был ли переход 40-тысячного чехословацкого экспедиционного корпуса на сторону Антанты и далее, участие «белочехов» в гражданской войне в России актом панславизма, или неославизма (кому как нравится)? Приведенные факты говорят только о том, что панславизм-неославизм не прекратил свое существование к 1904 году.

Второе замечание касается определения панславизма как «панидеологии», выделенного в автореферате в качестве элемента «научной новизны», но не вынесенного в «основных положениях, выносимых на защиту» (видно, автор «передумал» вносить это определение в «положения, выносимые на защиту» и, как представляется, правильно «передумал»). Почему? Да потому что национально-разноликая мозаика панславистских движений, представленная в диссертации во всей своей многокрасочности, никак «не тянет» на определение «панидеологии». Достаточно вспомнить известное высказывание Константина Леонтьева: «Славянство есть, славизма нет», объясняющее, в том числе и невозможность панславизма как панидеологии. Очевидно, что панславизм в

качестве единой, объединительной панидеологии, которая сплотила бы все существующие славянские народы, не состоялся, да и не мог состояться. Славяне слишком далеко «разбежались» друг от друга в конфессиональном отношении, ибо среди славян есть не только православные, но и католики, протестанты и мусульмане. Сравнение панславизма с другими вполне состоявшимися панидеологиями, такими как пантюркизм и панисламизм вполне разъясняет невозможность претензий панславизма на идеологический универсализм. Этот универсализм оказался невозможным и в силу полного разнобоя политических ориентаций внутри панславизма – имперских, либеральных, буржуазно-демократических, революционных.

Характерным образцом является последняя освещенная в диссертации неославистская позиция журнала «Славянский век», не имевшая единой ни политической, ни конфессиональной платформы – «ни рыба, ни мясо». Это своего рода «вегетарианская» и «одноразовая» идеология буржуазно-либерального толка, открывшаяся лишь на некоторое время. Какая-либо определенная политическая программа в журнале, в том числе в программной статье И.В. Каменского «Тезисы панславизма», по замечанию автора диссертации, отсутствовала (С. 66). Культурно-экономическая подкладка журнала «Славянский век» со стороны славянских авторов представляла собой не идеологический, а своеобразный бизнес-проект; показательна в данном случае полемика между ветераном русского панславизма академиком В.И. Ламанским, который продолжал в журнале продвигать идею всеславянского приобщения к русской культуре и языку, и сербским политиком Любомиром Стояновичем. Последний не видел в продвижении русского языка никакой практической пользы. Неославизм Стояновича смахивал скорее на пангерманизм, чем на панславизм; в ответ на призывы Ламанского он писал: «Все мы всей своей жизнью направлены на Запад, особенно на Австрию и Германию. Почти вся наша ввозная и вывозная торговля связана с этими двумя государствами. На первом шагу за границей мы встречаемся с немецким языком... Каждый торговец, и вывозящий, и ввозящий, если он желает преуспевать, должен знать по-немецки» (С. 108). Исходя из вышеска-

занного, можно заключить, что термин «панидеология» по отношению к исследуемому явлению представляется неудачным; более точно сущность панславизма выражают такие термины, имеющиеся в научной литературе, как «макронационализм» или «пандвижение».

Третье замечание нацеливает на неудовлетворительное объяснение автором диссертации причин развития панславизма как неославизма в начале XX века (Раздел IV. Политическая программа журнала «Славянский век» как пример эволюции панславистских политических концепций в начале XX в.). Это объяснение подлежит, на наш взгляд, существенной коррекции. Согласно автору диссертации, «тема кризиса, предчувствие «переломов», духовных трансформаций и изменений предопределила содержание всех идейно-политических концептов, появившихся в начале XX в. и в России и на Западе» (С. 61). По логике автора этот кризис и определил стремление интеллигенции к созданию «нового славянского мировоззрения». Однако речь ведь идет о начале XX века, о времени не кризиса, но, напротив, расцвета русской культуры, литературы и философии. Об этом говорит и сам автор, упоминая феномен «духовного ренессанса» и «Серебряного века» русской литературы. Ссылки автора на сборник «Вехи», вышедший в 1909 году и на «Закат Европы» Освальда Шпенглера (1921), т.е. на сочинения, действительно явившиеся продуктами кризиса, ошибочны, поскольку в тексте речь идет о временном отрезке с 1900 по 1904 годы. Так, свидетельством не кризиса, а подъема русской гуманитарной культуры стал сборник «Проблемы идеализма», выпущенный в 1902 году под грифом Московского Психологического общества. Этот первый манифест русского идеализма отразил рефлексию над финальной судьбой в Российской империи внесловной интеллигенции, чья влияние определялась ни классовыми, ни экономическими, ни властными факторами, но единственно силой идеи. В противоположность марксизму сборник акцентировал внимание не на политической или классовой, а на национальной проблематике, в том числе на русском и славянском вопросе. Психологическое общество выпускало лучший в России и один из самых тиражных в Европе журнал «Во-

просы философии и психологии», который рецензировал все значительные монографии по философии, выходявшие не только на основных европейских, но и на славянских языках. Иностранцем членом Общества был Масарик, который избрал для себя русифицированное имя и отчество Фома Осипович и планировал опубликовать свою монографию «Россия и Европа» не на немецком, а на русском языке, чему помешала Мировая война. Без всякого сомнения, «Россия и Европа» Масарика является выдающимся, историческим достижением неославизма, как европейского, так и русского. Этот проект был в точном смысле неославистским, как результат тесного сотрудничества Масарика с русскими философами, причем главным консультантом для «России и Европы» Масарика стал Э.Л. Радлов — друг и биограф Владимира Соловьева. Знаменательно, что методология этого сочинения чисто неославистская, принципиально отличная от русского имперского панславизма, установки которого Масарик отвергал. Таким образом, эти примеры являются симптомами не кризиса, а подъема русской культуры, в том числе ее «славянского измерения».

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 23.00.01 – «Теория и философия политики, история и методология политической науки» (по политическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Болдин В.А. заслуживает присуждения ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.01 – «Теория и философия политики, история и методология политической науки».

Официальный оппонент:

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой истории русской философии
философского факультета
ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В.Ломоносова»
МАСЛИН Михаил Александрович

Контактные данные:

тел.: +7(495) 939-24-08, e-mail: m @yandex.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

09.00.03 – «История философии».

Адрес места работы:

119192, г. Москва, ул. Ломоносовский проспект, д.27, корп.4.
ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В.Ломоносова», философский факультет, кафедра
истории русской философии.
Тел.: +7(495) 939-24-08; e-mail: rf@philos.msu.ru

Подпись *Маслина М.А.* **заверяю**
ученый секретарь философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
Трунцев-Тракунина Е.А.
22 ноября 2018 г.